

ПЕРСОНАЛИЗМ МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ И ПЕРСОНАЛИЗМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ**Д. В. Семикопов¹, В. К. Спирин²**

¹*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

²*Нижегородская духовная семинария, Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальность исследования феномена философского персонализма связана с тем, что персонализм – многозначное философское понятие, применяемое в разных контекстах. Он может обозначать как характерную черту мировоззрения (так, например, весьма часто приходится слышать, что для христианского мировоззрения характерен персонализм), так и учение отдельной философской школы (например, французского или русского персонализма). Наконец, персонализм может употребляться в качестве термина, характеризующего учение того или иного мыслителя о личности. Само применение данной категории в отечественной и западной философских традициях имеет определённую разницу. Чтобы понять суть данных разделений и вынести некое мнение по поводу истинности дефиниций, необходимо обратиться к истории вопроса.

Материалы и методы. В качестве методологического базиса использован герменевтический (авторский перевод и интерпретация иноязычных текстов); общенаучные методы: аналитический, синтеза, обобщения; частнонаучные методы: реконструкции философских воззрений западных философов конца XVII – начала XIX веков в сочетании с сравнительно-историческим методом.

Результаты исследования. В исследовании предлагается анализ перехода от субстанциональной модели личности к экзистенциальной. Учение об автономном субъекте имеет своим истоком философию Декарта и получает развитие в новоевропейской философии, находя полноту выражения в трансцендентальной антропологии Канта. Персонализм формируется как своего рода теологическая реакция на рационализм и материалистические тенденции, характерные для данной линии развития философии. Так в опровержение монизма Спинозы возникает плюралистическая монадология Лейбница, являющаяся основой метафизического персонализма. Подобным же образом, в результате споров вокруг пантеизма Спинозы и рациональной религиозности Канта формируется теистический персонализм И. Гамана и Ф. Якоби, ставший основой традиции, приведшей к экзистенциальному персонализму.

Обсуждение и заключения. В результате исследования можно сделать ряд выводов. Так, можно говорить о субстанциональном персонализме христианской традиции, с его учением о человеческой ипостаси, обладающей индивидуальными телом и душой; о метафизическом персонализме, имеющем своей основой монадологию Лейбница, и об экзистенциальном персонализме, формирующемся в противостоянии с субъективизмом и рационализмом Канта в религиозно-философской мысли И. Гамана и Ф. Якоби.

Ключевые слова: персонализм, монадология, субъект, метафизика, пантеизм, теизм, неолейбницианство, экзистенциализм

Для цитирования: Семикопов Д. В., Спирин В. К. Персонализм метафизический и персонализм экзистенциальный // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 2. С. 13. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-2-13.

METAPHYSICAL AND EXISTENTIAL PERSONALISM

D. V. Semikopov¹, V. K. Spirin²

*¹Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²Nizhny Novgorod Theological Seminary, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. The relevance of the study of the phenomenon of philosophical personalism is related to the fact that personalism is a multi – valued philosophical concept used in different contexts. It can denote either a characteristic feature of a worldview (for example, it is very common to hear that the Christian worldview is characterized by personalism), or the teaching of a separate philosophical school (for example, French or Russian personalism). Finally, personalism can be used as a term that characterizes the teaching of a particular thinker about personality. The very use of this category in Russian and Western philosophical traditions has a certain difference. To understand the essence of these divisions and make some opinion about the truth of the definitions, it is necessary to refer to the history of the issue.

Materials and methods. The hermeneutical methods (author's translation and interpretation of foreign-language texts) are used as a methodological basis; general scientific methods: analytical, synthesis, generalization; private scientific methods: reconstruction of philosophical views of Western philosophers of the late XVII-early XIX centuries in combination with a comparative historical method.

Results. The study offers an analysis of the transition from a substantial model of personality to an existential one. The doctrine of the autonomous subject has its origin in Descartes ' philosophy and is developed in Modern European philosophy, finding full expression in Kant's transcendental anthropology. Personalism is formed as a kind of theological reaction to rationalism and materialistic tendencies characteristic of this line of development of philosophy. Thus, in the refutation of Spinoza's monism, the pluralistic monadology of Leibniz appears, which is the basis of metaphysical personalism. Similarly, as a result of the controversy surrounding Spinoza's pantheism and Kant's rational religiosity, the theistic personalism of J. Haman and F. Jacobi was formed, which became the basis of the tradition that led to existential personalism.

Discussion and conclusions. As a result of the study, a number of conclusions can be drawn. This is how we can talk about the substantial personalism of the Christian tradition, with its teaching about the human hypostasis, which has an individual body and soul. On metaphysical personalism based on Leibniz's monadology. And about the existential personalism that is being formed in opposition to Kant's subjectivism and rationalism in the religious and philosophical thought of J. Haman and F. Jacobi.

Keywords: personalism, monadology, subject, metaphysics, pantheism, theism, existentialism

For citation: Semikopov D. V., Spirin V. K. Metaphysical and existential personalism // Vestnik of Minin University. 2025. Vol. 13, no. 2. P. 13. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-2-13.

Введение

Наше исследование посвящено проблеме классификации персонализма как философской традиции. Термин «персонализм» многозначен и может быть использован как наименование философского раздела, посвященного учению о личности, а может быть проинтерпретирован как обозначение определенной философской школы. В первом, широком смысле мы можем говорить о персонализме тех же русских философов вообще. Так, очень часто можно встретить рассуждения о персонализме Фомы Аквинского или Льва Карсавина, что не делает их персоналистами как мыслителей. Во втором, более узком смысле философской традиции правомерно говорить только о тех мыслителях, в учении которых личность имеет приоритетное онтологическое значение. К тому же само применение данной категории в отечественной и западной философских традициях имеет определённую разницу. Но чтобы понять суть данных разделений и вынести некое мнение по поводу истинности дефиниций, необходимо обратиться к определению терминов и историографии персонализма.

Обзор литературы

Для начала обратимся к авторитетным энциклопедическим статьям, представляющим обобщенное мнение научного сообщества. Так, сетевое издание «Стэнфордская энциклопедия по философии» определяет персонализм не столько как отдельное движение, сколько как совокупность течений, имеющих общее мировоззрение, основанное на приоритете личности. Персонализм утверждает личность как высшую онтологическую, аксиологическую и социальную ценность. Для персонализма определяющим является утверждение «центральной роли личности в философской мысли. Персонализм утверждает, что высшая реальность и ценность заключены в личности – как человеческой, так и (по крайней мере, для большинства персоналистов) божественной», – утверждают авторы статьи [30]. Отметим, что оба автора – авторитетные исследователи персонализма. Томас Уильямс – автор монографии «Кто мой ближний? Персонализм и основы прав человека» [32]; Ян Бенгтссон – доктор философии и автор фундаментального исследования «Мировоззрение персонализма: истоки и раннее развитие» [31].

В статье Уильямса и Бенгтссона рассматривается предыстория персонализма от Платона и Аристотеля до Шеллинга, Кьеркегора и Ницше и выделяется три больших направления развития персонализма: американское, европейское и восточное. К европейскому персонализму относятся французская (Э. Мунье, Э. Лакруа, М. Недонсель, П. Рикёр и пр.), немецкая (М. Шеллер, Р. Ингарден, Э. Штайн, П. Тиллих, фон Гильдебрандт и пр.) и люблинская (Кароль Войтыла) школы. Американский персонализм представлен тоже тремя школами: Бостонской, Гарвардской и Калифорнийской. Наиболее известна Бостонская школа, основанная Борденом Паркером Боуном, из неё вышел, в частности, Мартин Лютер Кинг. Далее авторы стэнфордской статьи рассматривают восточный персонализм, но совсем не

касаются персонализма русского. Исходной точкой персонализма обозначается спор о пантеизме Спинозы, ведшийся в конце XVIII – начале XIX века.

В советскую эпоху персонализм воспринимался как враждебное западное буржуазное течение, что видно и из статьи, изданной в «Философской Энциклопедии», в 1960-70 гг. Данная статья обращает внимание на теизм персонализма и то, что он признает личность первичной онтологической ценностью [27, с. 242]. При этом в советской статье особо оговаривается феномен русского персонализма, к представителям которого относятся Н. Бердяев, Л. Шестов, отчасти Н. Лосский, С. Булгаков, А. Белый, Вяч. Иванов и т.д. Русский персонализм, с точки зрения авторов статьи, возникает в конце 19 века, равно как и в США, а вот во Франции он появляется только в 20-е годы XX века.

Интересна и характеристика персонализма, даваемая в этой статье в рамках марксистского историографического подхода. В действительности же «персонализм – своеобразный результат разложения объективного идеализма, с одной стороны, и критики естественно-научного, механического материализма – с другой... Принципу идеалистического монизма и панлогизма Гегеля противопоставляется плюрализм – множественность существований, сознаний, воли, личностей, а разуму – интуиция» [27, с. 242]. Персонализм отменяет трансцендентального познающего субъекта в пользу конкретной уникальной личности, находящейся в конкретных условиях, то есть персонализм метафизически плюралистичен и возникает как реакция на гегелевский панлогизм, отменяющий свободу личности.

В «Новой философской энциклопедии» персонализм также характеризуется как теистическая доктрина, считающая, что личность и ее ценности являются высшим смыслом в истории земной цивилизации [17, с. 223]. Автором статьи, известным специалистом по французскому персонализму И. Вдовиной, указывается, что впервые термин «персонализм» употребляет Шлейермахер, и к этому течению в XIX веке относились Ф. Якоби, А. Олкотт, Ш. Ренувье и пр. А в XX веке персонализм развивался в Германии, США, Франции и России. В последней родоначальником персонализма объявляется Ф. М. Достоевский, а наиболее яркими представителями – Н. А. Бердяев и Лев Шестов.

В отечественной историографии персонализма есть еще одна особая тема, а именно причисление к традиции персонализма последователей философии Лейбница.

С точки зрения ряда представителей отечественной историографии, существует как минимум две традиции персонализма. Первая традиция, исходящая из наследия Лейбница, получила также название неолейбницианства, или метафизического персонализма. Этими двумя терминами мы обязаны великим русским историкам философии В. В. Зеньковскому и Н. О. Лосскому. Зеньковский в своей знаменитой «Истории русской философии» (1948) говорит о «русском неолейбницианстве». У Лосского в одноименном сочинении 1951-го года мы встречаем термин «персонализм», который также используется по отношению к последователям Лейбница. Так, Н. О. Лосский указывает: «Философские учения А. А. Козлова, Л. М. Лопатина, Н. В. Бугаева, Е. А. Боброва, П. Астафьева, С. А. Алексеева (Аскольдова) и Н. О. Лосского являются персоналистическими. Все они в большей или меньшей степени испытали влияние монадологии Лейбница» [13, с. 207].

В современном исследовании А. Ю. Бердниковой к последователям Лейбница относят учеников «Школы Тейхмюллера-Козлова» (сам А. А. Козлов, С. А. Алексеев (Аскольдов), Е. А. Бобров, Я. Ф. Озе, Н. О. Лосский) и отдельных мыслителей, так или иначе развивавших темы Лейбница, а именно монадологию и панпсихизм (Л. М. Лопатин, ранний В. С. Соловьев, Н. В. Бугаев, Н. Я. Грот) [2, с. 8-9]. Автор монографии указывает на известную путаницу,

связанную с тем, что это направление обозначают то как метафизический персонализм, то как спиритуализм, то как неoleyбницианство.

При этом в большинстве современных исследований и пособий к персоналистам относят Н. А. Бердяева и Л. Шестова. Так, в новейшем учебном пособии по «Русской религиозной философии» Бердяев и Шестов отнесены к экзистенциальному персонализму, а неoleyбницианцы – к метафизическому [25]. Добавим к этому, что как от персонализма надо отличать персонологию, так и от неoleyбницианства следует отличать лейбницеведение.

Отечественный философ А. В. Соболев, заявлявший о себе как философе-персоналисте, выдвинул следующие характерные для персоналистического мировоззрения черты: онтологизм личности, направленность личности на другого, соборность как реализацию принципа единства во множестве, экзистенциализм. «Декартовский тезис на почве персонализма преобразуется в тезис: «Я мыслю, следовательно, существуют интимно близкие мне люди» [20, с. 286].

Материалы и методы

Объектом исследования послужила западная философия конца XVII – начала XIX столетий. Материалом исследования стали оригинальные сочинения: Г. Лейбница, И. Канта, Ф. Якоби, И. Гамана; современные работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные анализу персонализма. В работе применялся герменевтический метод анализа, основанный на истолковании текста в надлежащем историко-культурном контексте, в сочетании с сравнительным методом анализа, применяемым в историко-философском анализе.

Результаты исследования

В исследовании Бенгтссона возникновение персонализма связывается со сменой парадигм: «субстанционалистской» на «реляционную». В рамках первой личность еще не отличается от индивида (ипостаси), она, в сущности, тождественна понятию индивидуальной души, но кризис схоластики и философия Нового времени приводят к формированию концепции автономного субъекта, что прокладывает дорогу новой метафизике личности, находящей себя в отношениях с другими личностями и Богом [30, р. 32]. Личность находится в постоянном становлении, уподобляясь Богу, что подразумевает и её свободное самоопределение.

В данном случае личность, уподобляясь Богу, видит Его образ в других личностях. Это формирует многообразие в единстве, необходимость другого, познание Я через Ты, то есть диалогичность или реляционность персонализма.

Итак, Бог есть Личность, человек есть личность, которая может себя реализовать только в союзе с Богом и другими людьми, при этом это – свободная личность, обладающая самосознанием, которое первично по отношению к рациональному знанию. Существование предшествует сущности. Все находится в постоянном становлении. Таково мировоззрение персонализма по Бенгтссону.

Данные взгляды коррелируют с подходом другого современного исследователя Михаэля Френча, изложенным в его трактате «Лик Премудрости» [28]. Он указывает на существование двух видов метафизики: метафизики сущности и метафизики свободы. Первой метафизике соответствует понятие образа Божия в человеке, а второй – подобию. «Макс Мюллер указал на то, что, в сущности, имеются две основных формы метафизики: они

определяются возможным отношением бытия и свободы. Первая форма исходит из бытия и пытается на фоне бытийственных предпосылок исследовать возможность свободы. Вторая, напротив, исходит из экзистенциальной свободы человека и пытается при этом заново понять бытие. В одном случае свобода рассматривается на фоне бытия, в другом – бытие на фоне экзистенциальной свободы» [28, с. 29].

Анализ перехода от субстанциональной модели личности к экзистенциальной можно отсчитывать от Рене Декарта. Под влиянием скептицизма Декарт искал новую основу для философии, которая соответствовала бы идеалу достоверности, как в математике. Он утверждал, что мы можем быть уверены лишь в одном, а именно в собственном существовании, которое дается нам в мышлении. Во всем остальном мы вправе сомневаться. В чем здесь разрыв с классической христианской антропологией? В том, что в ней человек – это сотворенная Богом индивидуальная субстанция, состоящая из разумной души и тела. И Бог является творцом множества субстанций. У Декарта же сотворенных Богом субстанций собственно две: *res cogitans* и *res extensa*. И природа человека дуалистична, собственно соотношение разума и тела, сознания и материи становится одной из главных проблем философии, не имеющих решения по сию пору.

Дуализм Декарта может разрешиться как в сторону материализма (Т. Гоббс), так и в сторону субъективного идеализма (Д. Бэркли). Свой путь решения данной проблемы предложил и Бенедикт Спиноза, указавший на то, что если бога можно познать при помощи разума, то это означает божественность последнего. Бог самодостаточен и зависит только от собственной субстанции, а следовательно, и *res cogitans*, и *res extensa* есть Его атрибуты, которых в Боге может быть бесконечное количество. И лишь частным проявлением этих атрибутов являемся мы, люди.

Здесь под угрозой оказались две фундаментальные характеристики персонализма: рациональное отношение конечных личностей к Богу и представление о личностях как о свободных существах. Поскольку познание Абсолютной Личности через конечную личность бросает вызов Богу как Субстанции, отношение Абсолюта к конечной личности становится проблематичным. Человек, будучи лишь частным проявлением сочетания пары бесконечных атрибутов, не вправе рассчитывать на диалог с Абсолютом. Кроме того, представление о личностях как о свободных существах может сохраняться только до тех пор, пока Абсолютная Личность и конечные личности в некотором смысле независимы друг от друга.

Другую альтернативу дуализму Декарта предложил Лейбниц. Она была прямо противоположна монизму Спинозы и предполагала плюрализм. Для него материя и пространство не некая протяженность, а результат взаимодействия простых субстанций – монад. Каждая из монад обладает душой, то есть жизнью, и имеет цель, предзаданную мировой гармонией, автор которой монада монад, то есть Бог. Личность человека сосредоточена на доминирующей монаде, его душе, чья жизнь – это «развитие», заданное изначально. Поскольку основная природа человека – это мышление, развитие в течение жизни означает переход от смутных, запутанных представлений к истинным, к тому, как всё устроено на самом деле. Таким образом, Лейбниц был первым философом, который отверг субстанцию человека и принял точку зрения, основанную на деятельности, даже если она детерминирована.

Суть антропологического учения Лейбница заключается в его монадологии. Именно это учение и одноименный трактат оказали наибольшее влияние на русскую мысль. Между тем собственно учение о личности и новоевропейском субъекте не получает у Лейбница некоего

окончательного развития. Как известно, его учение было одновременно и критикой дуализма Декарта, и пантеизма Спинозы.

Положения монадологии общеизвестны:

Монада – метафизическая единица бытия, единичная субстанция-сущность и одновременно душа;

Материя – результат взаимодействия монад;

Составные вещи – агрегаты монад;

Монады бывают простыми, имеющими восприятие, душами, имеющими помимо восприятия сознание и память, и духами, обладающими разумом и самосознанием;

Всякая монада замкнута в себе и закрыта для другой монады или, как говорит Лейбниц, «у монады нет окон», но при этом монада имеет восприятие и желание;

Всякая монада есть зеркало Бога и модель Вселенной, т.е. она в потенции содержит в себе всё;

Бог есть монада, он их Творец, и они для Него открыты;

При этом Бог рассматривает бесконечное множество миров и выбирает наилучший;

Этот наилучший мир, избранный Богом из принципа предустановленной гармонии, есть наше мироздание [12, 413-429].

Лейбниц был теистом. Бог – творец монад, а значит, и всего мироздания. При этом именно у Лейбница мы видим и характерный в будущем для персонализма отход от принципов строгого рационализма. Реальность или действительность не обязательно логична, более того, она весьма часто совершенно не логична, а вероятностна. Отсюда универсальный характер закона достаточного основания у Лейбница. Не все, что логично, обязательно реализуется. Реализуется то, что отвечает сценарию наилучшего из миров.

Извечная проблема теизма. Бог либо творит из своей природы (пантеизм), либо из иного (дуализм). «Иными словами: в данном случае, очевидно, перед нами такой вопрос, при решении которого мы вплотную подходим к границам нашего познания. Теизм и заключает в себе это признание. Его учение о творении ex nihilo и есть прежде всего такое *ignoramus*» [1, с. 268].

Все творения происходят от Бога и ничто. Бог творит монады, а материальный мир есть результат взаимодействия этих монад. В результате происходит открытие субъекта. У Декарта «Я мыслю, следовательно, существую». Но у Декарта мыслит не субъект, а *res cogitans*, мыслящая вещь или мыслящая субстанция. Именно у Лейбница мыслящая субстанция становится монадой, логическим субъектом.

Более того, хоть она и сотворена Богом, но принципиально от него не отличается, т.к. Бог – монада монад, ничем не ограниченная монада. Сотворенные же монады ограничены и имеют каждая свою точку зрения. А вот если эту ограниченность снять, то получится Бог. Монада, как у Делеза, есть единица, деленная на бесконечность, а Бог, наоборот, бесконечность, деленная на единицу. При этом каждая монада не имеет окон, но открыта Богу, то есть получает связь с другими монадами через Бога. Субъективность монад – вечная её характеристика. Каждая из них отличается собственным и уникальным самосознанием, формируемым памятью.

При этом Бог – это вычислитель, создавший лучший из миров посредством пирамиды памяти, содержащей все варианты, все комбинации взаимодействия монад. Материальный мир – плод взаимодействия монад, он носит феноменальный характер. Монады же есть зеркало для Божества.

Всякая вещь происходит от Бога и ничто. При этом бытие от Бога, а небытие (тление) от ничто [1, с. 273].

Но что есть это бытие? Это бытие индивидуальных субстанций. «В конечном счете реального не существует, – говорит нам французский философ и исследователь Лейбница Жиль Делез, – это надо понимать так, что реальные лишь индивидуальные субстанции. Но, как мы видели, это не препятствует тому, что следует исходить из мира..., то есть следует исходить из сгиба. Следует исходить из бесконечного количества сгибов. И только во-вторых мы догадываемся, что сгибы - или же сам мир – только и существуют, что в выражающих его субстанциях» [7, с 199].

Что это значит? Что каждая монада – это своего рода модель мира или представление о мире, каждая монада имеет свою точку зрения на Вселенную, и только одна комбинация из бесконечного количества монад – наилучший мир. И Бог творит этот наилучший из миров из монад как индивидуальных духовных субстанций.

Есть ли во всем этом место личности? Если мы под личностью понимаем некую динамичную систему, полноту существования, субъекта культуры, то монада Лейбница как субстанция – это не личность.

Да. У Лейбница сделан очередной шаг к новоевропейскому пониманию личности, а именно у него монада становится автономным и закрытым центром, оставаясь индивидуальной субстанцией. Кроме того, вселенная Лейбница развивается в соответствии с рациональным и наилучшим планом, разработанным предвечным Абсолютом-вычислителем.

Можно сказать, что пирамида Лейбница, вернее бесконечные пирамиды с бесконечными основаниями, исчерпывают все степени свободы.

Эта крайне оригинальная система тем не менее воспринималась и воспринимается как вполне ортодоксальная и созданная в оппозицию к пантеизму Спинозы. Бог творит мир не из собственной природы и вообще не из некоей природы, но согласно предвечно существующей в его разуме модели, избранной из бесконечного ряда возможных миров. Подобное мировоззрение очень даже характерно для схоластики. А вот что для неё не характерно, так это тема свободы и теодицеи, отражающая новый взгляд человека на Бога и мир.

В средневековье Бог не нуждался ни в каких оправданиях, и все творения были от Него полностью зависимы, как от единственного источника бытия. Сомнение в бытии мира и Бога – это новая мелодия, которая стала все громче звучать в культуре XVII века, во многом благодаря Декарту, Спинозе и прочим философам. Лейбниц дает свое решение проблемы, в котором Бог сам исчерпывает свободу творений. Монады Лейбница далеки от автономности и свободы, что и мешает им стать полноценными личностями, а Лейбницу – персоналистом.

Следующий шаг на пути к новоевропейской личности делает великий Иммануил Кант. Своим утверждением о том, что человек – это автономный субъект, а соблюдение нравственного закона является свободным проявлением его личностной природы, Кант оказал наибольшее влияние на этический персонализм. Утверждение же Кантом за человеческим Я фактически божественной автономии привело к одному из самых плодотворных антропологических споров и формированию теистического персонализма.

В истории персонализма критическая рецепция Канта играет огромное значение. В «Основоположениях к метафизике нравов» он замечает: «Как разумное, следовательно, принадлежащее к интеллигибельному миру существо, человек никогда не может мыслить причинность своей собственной воли иначе, как обращаясь к идее свободы; ибо независимость от определяющих причин чувственного мира (каковую разум необходимо должен всегда приписывать самому себе) есть свобода. С идеей же свободы неразрывно связано понятие

автономии, а с последним – всеобщий принцип нравственности, который в идее точно так же лежит в основе действия всех разумных существ, как закон природы в основе всех явлений» [9, с. 240-241]. Как известно, именно на этом пути Кант выводит свое нравственное доказательство Бога. Ведь категорический императив рассматривает нравственный закон как универсальный, превращая его в самоцель для человечества, состоящего из свободных индивидов, которые должны достичь нравственного совершенства, чего невозможно достичь в рамках эмпирической жизни, а значит, нам необходимо постулировать бессмертие. Но здесь и возникает одно большое «но» Кантовской философии.

Как известно, сам Кант говорил о «коперниканском повороте», который он совершает в философии. Суть этого поворота в том, что он открывает некую единую силу, связующую весь мир нашего опыта. И это вовсе не Бог. «У Канта, пожалуй, на роль такой силы претендует трансцендентальное единство апперцепции либо же связанный с ним трансцендентальный субъект. Неокантианцы и Гуссерль последовали за Кантом, развивая идею трансцендентального субъекта и сводя к нему как последнему основанию все содержимое нашего опыта» [26, с. 186].

Получается, что у Канта реальность Бога – вторична, она лишь выступает гарантом возможности человеческого проекта. На это не могли не обратить внимание критики Канта, особенно в контексте вспыхнувшего благодаря Якоби спора относительно атеизма Спинозы. Как известно, философ Якоби опубликовал свою переписку с Моисеем Мендельсоном, еврейским мыслителем и переводчиком, который был другом немецкого просветителя Лессинга. Последний признавался, что он является последователем Спинозы, и у любого разумного человека, стремящегося к объективности, не может быть другого выхода, как только признать правоту Спинозы. Замечательно, что и верующий христианин Якоби соглашался с этим. «Действительно здравый смысл с необходимостью ведет к Спинозе», – считал он. А значит, долой здравый смысл и Просвещение! Долой рабство разуму! Так рождается иррационализм.

Кант ответил на это статьёй «Что значит ориентироваться в мышлении?», в которой он как раз доказывал, что Лессинг вовсе не был прав, разумная вера требует совершенного морального агента, то есть Бога. «Рациональная вера – это то, что должно занять место «здравого смысла» Мендельсона. Это то, что ориентирует нас в мышлении. Эта рациональная вера – не просто вера в определённые символы веры, подсказанные разумом; это также вера в сам разум. И Якоби, и Мендельсон, кажется, утратили эту веру, и поэтому оба они открыли двери фанатизму» [10, с. 419].

Нет сомнений, что в своей метафизике нравов Кант фактически обожествляет разум, провозглашает разумное – добрым, оставаясь верным базовой парадигме Просвещения. Это вызывает критику со стороны его бывших друзей и учеников, среди которых стоит выделить Якоби, Гамана и Гердера. Имена первых двух в русской интеллектуальной традиции практически забыты, а между тем и для Канта, и для Гегеля с Шеллингом имя того же Якоби было очень значимым. Так, Гегель утверждает величие основного принципа его философии, а вернее, теологии. «Согласно Гегелю, этот принцип состоит в «признании свободы человеческого духа» [ibid.], поскольку он в себе самом имеет источник знания об абсолютном, о Боге и тем самым возвышается над всяким авторитетом и вообще всем внешним. Но усмотрение этого пребывания духа в истине у себя ведет Якоби к утверждению непосредственности знания им истины и к противопоставлению веры и знания» [8, с. 150].

Якоби активно критиковал своих современников, те отвечали ему взаимностью, и именно в этой полемике впервые прозвучал тезис о том, что ни Бог, ни человек не могут быть

ограничены понятием разумного. Почему? Потому, что ни Бог, ни человек не ограничены природно обусловленным. Между обусловленным и Богом пролегает трансцендентная пропасть, делающая Творца свободным от творения. Знание не ведет к познанию духовного, изначально свободного от следования любым законам. «Таким образом, достигнуть познания этого источника, продвигаясь по рельсам условий и причин, совершенно невозможно и потому необходимо совершить духовное *salto mortale*, «выпрыгнуть» из рассудочной логики причинно-следственных отношений и оснований к непосредственному узрению их источника – Бога, абсолютного, безусловного и беспричинного» [8, с. 150-151].

Для Якоби религия «в пределах только разума» – невозможна, это, в сущности, не религия, а безверие, т.к. верят вовсе не разумом, а сердцем. Поэтому «никакая естественная философия сверхъестественного невозможна. Признание бытия Бога как высшего личного существа, а также неразрывно связанные с этим признанием мораль и свобода могут корениться исключительно в особого рода «чувстве» и «вере», в непосредственной, живой и жизненной связи человека с Богом как личностью, в совершенно достоверном и непосредственном ощущении его присутствия (именно в этом, заметим, видел суть религии и Владимир Соловьёв) независимо от всех умствований скептиков, рассуждений богословов, учёных и философов» [29, с. 40].

Кант боится, что ограничение разума верой приведет к мракобесию. Гаман и Якоби боятся, что личность будет лишена свободы через рациональную детерминированность и засилие «деспотизма логического, деспотической власти абстрактной, безличной, «механической» науки над живой и неповторимой личностью» [29, с. 43].

Он выбирает сердце: истину веры. Но разве сама проблема не остается при этом неразрешенной? «Гаман нападает на Лессинга и пытается прийти на помощь Якоби – вот только с его точки зрения нет в действительности никакой проблемы, нет ни «широкой канавы», ни пропасти. Что вообще люди имеют в виду, когда говорят о желании «объяснить» мироздание? Мысль – или, вернее, мысли, идеи, да и вообще любые психологические феномены – суть часть той мебели, которой обставлена вселенная. Никакой точки, расположенной вовне бытия, в которой мог бы поместиться наблюдатель, способный оценивать, осуждать, оправдывать, объяснять или обосновывать наш мир, попросту не существует. И разрыва тоже нет: нельзя свести бесконечное число причин к одному тривиальному факту» [3, с. 65].

Гаман изначально считает претензии человеческого разума не обоснованными. Разум человека ограничен реальностью и находясь внутри, он никак не может быть уверенным, что представленная им модель мироздания может рассматриваться как верная. Поэтому ответ на глобальные вопросы возможен только при условии обращении к Тому, кто находится за границами мироздания, т.е. Богу.

Исайя Берлин, анализируя контрпросветительское наследие Гамана, приходит к выводу о том, что именно в этой точке находится место возникновения неклассической философии: «По сути, мы имеем дело с тем зерном, из которого вырос современный экзистенциализм – и рост его можно проследить от Бёме и немецких мистиков к Гаману, а от него – к Якоби, Кьеркегору, Ницше и Гуссерлю; та дорога, по которой пошли Мерло-Понти и Сартр, начинается здесь же, но затем начинает петлять и приводит к совершенно другой истории. Но взгляды Хаманна в этой логической цепи – звено обязательное и неизменное» [3, с. 63].

Более того, именно у Гамана и Якоби мы находим и один из главных постулатов персонализма – о том, что Я есть Другой, или в формулировке Соболева: «Я мыслю, следовательно, существую».

«Ради облегчения нашего самопознания, в каждом ближнем нам предстает в зримом обличьи наше собственное Я. Подобно тому, как в воде появляется отражение моего собственного лица, – также и мое Я отражается в существе моего ближнего. А для того, чтобы это отраженное Я стало для меня столь же близким, как и мое собственное Я, Провидение и постаралось соединить в человеческом обществе столь многие преимущества и достоинства» [5, с. 71-72].

Таким образом, мы имеем появление категории личности как абсолютно свободного субъекта, подобия Божественной Личности, находящегося в становлении. Наиболее полно данная концепция будет выражена в наследии Шеллинга, в частности в его знаменитом трактате о свободе.

Обсуждение и заключения

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что существует не один, а несколько видов персонализма. В частности, можно говорить о субстанциональном персонализме христианской традиции, с его учением о человеческой ипостаси, обладающей индивидуальными телом и душой. В результате реформационных процессов и появления новоевропейской философской традиции в учении Декарта и последующих мыслителей формируется учение об автономном субъекте. В споре с картезианством Лейбницем формулируется плюралистическое учение о монадах, которое станет основой традиции метафизического персонализма. Наконец, Иммануилом Кантом формулируется концепция бессмертного трансцендентального субъекта. Субъективизм и рационализм Канта порождает дискуссию о личности, в ходе которой И. Гаман и Ф. Якоби формулируют основные положения персоналистического теизма, который через Шеллинга станет почвой для зарождения экзистенциального персонализма.

Список использованных источников

1. Беляев В. А. Лейбниц и Спиноза. СПб.: Наука, 2007. 351 с.
2. Бердникова А. Ю. Неолейбницианство в России. М.: ИФ РАН, 2021. 248 с.
3. Берлин Исая. Северный волхв. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 176 с.
4. Гаман И. Г. Aesthetica in nuce // Гильманов В. Х. Философия «образа» И. Г. Гамана и Просвещение. Калининград: КГУ, 2003 С. 477-545.
5. Гаман И. Г., Якоби Ф. Г. Философия чувства и веры. СПб., 2006. 487 с.
6. Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка. М.: ЛКИ, 2007. 88 с.
7. Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 376 с.
8. Иваненко А. А. Субъективизм Ф. Г. Якоби в «Вере и знании» Г. В. Ф. Гегеля // EINA1. 2015. Т. 4 (1/2). С. 149-154.
9. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4-х тт. Т. 3. М.: Ками, 1997. 784 с.
10. Кюн М. Кант: биография. М.: Дело РАНХиГС, 2022. 608 с.
11. Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М., 2004.
12. Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.
13. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Академический Проект; Трикста, 2011. 551 с.
14. Луцик Р. В., Колесникова А. В. Монадология и теодицея Лейбница в свете современной науки (Макс Планк и Лейбниц) // Гуманитарные и правовые проблемы современной

- России: материалы XIII межвузовской студенческой научно-практической конференции (Новосибирск, 27 апреля 2017 г.). Новосибирск, 2017. Ч. 2. С. 10-12.
15. Майоров Г. Г. Лейбниц как философ науки // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. / [редколл.: Б. Э. Быховский, Г. Г. Майоров, И. С. Нарский и др.]. М., 1984. Т. 3. С. 3-40.
 16. Нарский И. С. Основное гносеологическое сочинение Лейбница и его полемика с Локком // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. / [редколл.: Б. Э. Быховский, Г. Г. Майоров, И. С. Нарский и др.]. М., 1983. Т. 2. С. 3-46.
 17. Новая философская энциклопедия. Энциклопедия: в 4 тт. Т. 3. М.: Мысль, 2010. 692 с.
 18. Переписка из трех углов. [А. В. Соболев, В. Р. Рокитянский, А. А. Пинский] // История философии. 1998. № 2. С. 100-140.
 19. Половинкин С. М. Русский персонализм. М.: Изд. Дом «СИНАКСИС», 2020. 1156 с.
 20. Соболев А. В. О русской философии. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2008. 496 с.
 21. Соболев А. В. Россия спасется только как великая Россия // Агафонов В., Рокитянский В. Россия в поисках будущего. [Сб. интервью]. М., 1993. С. 210-221.
 22. Сергеев К. А., Коваль О. А. Монадология Лейбница: субстанция, субъект, истина // Я. (А.Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 475-506. (Серия «Мыслители». Выпуск X).
 23. Соколов В. В. Философский синтез Готфрида Лейбница // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. / [редколл.: Б. Э. Быховский, Г. Г. Майоров, И. С. Нарский и др.]. М., 1982. Т. 1. С. 3-77.
 24. Соколов В. В. Философское значение «Теодицеи» Лейбница // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. / [редколл.: Б. Э. Быховский, Г. Г. Майоров, И. С. Нарский и др.]. М., 1989. Т. 4. С. 3-48.
 25. Русская религиозная философия: учебник бакалавра теологии / под общ. ред. К. М. Антонова. М.: Учебный комитет русской православной Церкви, 2024. 616 с.
 26. Фалёв Е. В. Новый «коперниканский поворот» в философии сознания: Кант и Гуссерль // Иммануил Кант и философия сознания: монография. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2024. С. 178-225.
 27. Философская энциклопедия. Т. 4 / гл. ред. Ф. В. Константинов. М.: Советская Энциклопедия, 1967. 592 с.
 28. Френч М. Лик Премудрости / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. Н. К. Бонецкой. СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2015. 527 с.
 29. Чернов С. Л., Шевченко И. В. Фридрих Якоби: вера, чувство, разум. М: Прогресс-Традиция, 2010. 620 с.
 30. Bengtsson J. O., Williams T. D., Personalism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/personalism/> (accessed: 08.03.2025).
 31. Bengtsson Jan O. The Worldview of Personalism: Origins and Early Development. Oxford: Oxford University Press, 2006. 310 p.
 32. Williams Thomas D. Who is my neighbor?: personalism and the foundations of human rights. Catholic University of America Press, 2012. 358 p.

References

1. Belyaev V. A. Leibniz and Spinoza. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 351 p. (In Russ.)
2. Berdnikova A. YU. Neo-Leibnizianism in Russia. Moscow, IF RAN Publ., 2021. 248 p. (In Russ.)
3. Berlin Isajya. Northern Magus. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015. 176 p. (In Russ.)
4. Gaman I. G. Aesthetica in nuce. *Gil'manov B. H. Filosofiya «obraza» I. G. Gamana i Prosveshchenie*. Kaliningrad, KGU Publ., 2003 Pp. 477-545. (In Russ.)

5. Gaman I. G., YAkobi F. G. Philosophy of feeling and faith. St. Petersburg, 2006. 487 p. (In Russ.)
6. Gerder I. G. Treatise on the Origin of Language. Moscow, LKI Publ., 2007. 88 p. (In Russ.)
7. Delyoz ZH. Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015. 376 p. (In Russ.)
8. Ivanenko A. A. Subjectivism of F. G. Jacobi in G. W. F. Hegel's Faith and Knowledge. *EINAI*, 2015, vol. 4 (1/2), pp. 149-154. (In Russ.)
9. Kant I. Works in German and Russian: in 4 volumes. Vol. 3. Moscow, Kami Publ., 1997. 784 p. (In Russ.)
10. Kyun M. Kant: Biography. Moscow, Delo RANHiGS Publ., 2022. 608 p. (In Russ.)
11. Lakrua ZH. Selected Works: Personalism. Moscow, 2004. (In Russ.)
12. Lejbnic G. V. Works in 4 Volumes. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 636 p. (In Russ.)
13. Losskij N. O. History of Russian Philosophy. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., Triksa Publ., 2011. 551 p. (In Russ.)
14. Lucik R. V., Kolesnikova A. V. Monadology and theodicy of Leibniz in the light of modern science (Max Planck and Leibniz). *Gumanitarnye i pravovye problemy sovremennoj Rossii: materialy XIII mezhvuzovskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Novosibirsk, 27 aprelya 2017 g.). Novosibirsk, 2017. Part 2. Pp. 10-12. (In Russ.)
15. Majorov G. G. Leibniz as a philosopher of science. *Lejbnic G. V. Sochineniya: v 4 t. / [redkoll.: B. E. Byhovskij, G. G. Majorov, I. S. Nariskij i dr.]*. Moscow, 1984. Vol. 3. Pp. 3-40. (In Russ.)
16. Nariskij I. S. The main epistemological work of Leibniz and his polemic with Locke. *Lejbnic G. V. Sochineniya: v 4 t. / [redkoll.: B. E. Byhovskij, G. G. Majorov, I. S. Nariskij i dr.]*. Moscow, 1983. Vol. 2. Pp. 3-46. (In Russ.)
17. Novaya filosofskaya enciklopediya. Enciklopediya: v 4 tt. T. 3. M.: 2010. 692 s. New philosophical encyclopedia. Encyclopedia: in 4 volumes. Vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 2010. 692 p. (In Russ.)
18. Correspondence from Three Corners. [A. V. Sobolev, V. R. Rokityansky, A. A. Pinsky]. *Istoriya filosofii*, 1998, no. 2, pp. 100-140. (In Russ.)
19. Polovinkin S. M. Russian Personalism. Moscow, Izd. Dom «SINAKSIS» Publ., 2020. 1156 p. (In Russ.)
20. Sobolev A. V. On Russian Philosophy. St. Petersburg, Izdatel'skij dom «MIR» Publ., 2008. 496 p. (In Russ.)
21. Sobolev A. V. Russia Will Be Saved Only as a Great Russia. *Agafonov V., Rokityanskij V. Rossiya v poiskah budushchego. [Sb. interv'yuu]*. Moscow, 1993. Pp. 210-221. (In Russ.)
22. Sergeev K. A., Koval' O. A. Leibniz's Monadology: Substance, Subject, Truth. *YA. (A.Slinin) i MY: k 70-letiyu professora YArslava Anatol'evicha Slinina*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2002. Pp. 475-506. (Series "Thinkers". Issue X). (In Russ.)
23. Sokolov V. V. Philosophical synthesis of Gottfried Leibniz. *Lejbnic G. V. Sochineniya: v 4 t. / [redkoll.: B. E. Byhovskij, G. G. Majorov, I. S. Nariskij i dr.]*. Moscow, 1982. Vol. 1. Pp. 3-77. (In Russ.)
24. Sokolov V. V. The philosophical significance of Leibniz's Theodicy. *Lejbnic G. V. Sochineniya: v 4 t. / [redkoll.: B. E. Byhovskij, G. G. Majorov, I. S. Nariskij i dr.]*. Moscow, 1989. Vol. 4. Pp. 3-48. (In Russ.)
25. Russian religious philosophy: a textbook for a bachelor of theology / edited by K. M. Antonov. Moscow, Uchebnyj komitet russkoj pravoslavnoj Cerkvi, 2024. 616 p. (In Russ.)

26. Falyov E. V. The new "Copernican turn" in the philosophy of consciousness: Kant and Husserl. *Immanuel Kant i filosofiya soznaniya: monografiya*. Kaliningrad, BFU im. I. Kanta Publ., 2024. Pp. 178-225. (In Russ.)
27. Philosophical Encyclopedia. Vol. 4 / ed.-in-chief F. V. Konstantinov. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1967. 592 p. (In Russ.)
28. French M. The Face of Wisdom / trans. from Germ., introduction and notes by N. K. Bonetskaya. St. Petersburg, ООО «Izdatel'stvo «Rostok»» Publ., 2015. 527 p. (In Russ.)
29. Chernov S. L., Shevchenko I. V. Friedrich Jacobi: Faith, Feeling, Reason. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2010. 620 p. (In Russ.)
30. Bengtsson J. O., Williams T. D., Personalism. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/personalism/> (accessed: 08.03.2025).
31. Bengtsson Jan O. The Worldview of Personalism: Origins and Early Development. Oxford, Oxford University Press, 2006. 310 p.
32. Williams Thomas D. Who is my neighbor?: personalism and the foundations of human rights. Catholic University of America Press, 2012. 358 p.

© Семикопов Д. В., Спирин В. К., 2025

Информация об авторах

Семикопов Даниил Викторович – кандидат философских наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, dsemikopov@yandex.ru

Спирин Василий Константинович – магистр, магистратура по направлению Философия, первый проректор, Нижегородская духовная семинария, Нижний Новгород, Российская Федерация, confessor@yandex.ru

Information about the authors

Semikopov Daniil V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, dsemikopov@yandex.ru

Spirin Vasily K. – Master's Degree, Master's degree in Philosophy, First Vice-rector, Nizhny Novgorod Theological Seminary, Nizhny Novgorod, Russian Federation, confessor@yandex.ru

Вклад авторов

Семикопов Даниил Викторович – разработка методологии, оформление статьи.

Спирин Василий Константинович – работа с источниками и литературой, создание чернового варианта текста.

Contribution of the authors

Semikopov Daniil V. – development of methodology, article design.

Spirin Vasily K. – working with sources and literature, creating a draft version of the text.

Поступила в редакцию: 24.03.2025

Принята к публикации: 16.06.2025

Опубликована: 30.06.2025